

Да, и именно так пишут наши читатели о Станиславе Юрьевиче Куняеве. Строки читательских писем проникнуты необыкновенной теплотой и любовью, признанием огромных заслуг выдающегося русского поэта, писателя, публициста. В этом Станислав Юрьевич является продолжателем дела Пушкина и Некрасова, издававших самый значительный журнал XIX века в России — легендарный “Современник”. Журнал Станислава Куняева “Наш современник” достойно держит эту высокую планку и в XXI веке. Самое главное, он является живой связью между миром литературы и океаном читательской жизни, что находит подтверждение в непрекращающемся потоке читательской почты. И в каждом письме — благодарность, в каждом письме — высокое признание заслуг и трудов как главного редактора журнала, так и его сотрудников. Эта живая связь и является главной опорой и поддержкой журнала в наше тяжёлое для русской литературы, но судьбоносное время. Если мы выстоим сейчас, то выстоим и всегда, но сделать это мы сможем только с вашей поддержкой, дороге наши друзья, наши преданные читатели! На Ваших плечах стояла и стоит русская литература — удивительное явление всей мировой культуры.

“ПИСАТЕЛЬ В РОССИИ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ САМОМУ СЕБЕ”

Уважаемый Станислав Юрьевич, добрый день!

Сердечно поздравляю Вас с прошедшими праздниками и (простите за опоздание!) с 85-летием. Желаю Вам добра и здоровья. К моим поздравлениям присоединяется и Николай Михайлович Рубцов, что изображён на конверте. Судя по Вашей многогранной и активной деятельности, Бог даёт Вам сил и энергии для труда на благо России. Много верных слов высказано в Ваш адрес Вашими друзьями, соратниками и читателями журнала. Хотелось бы мне поддержать Владимира Николаевича Крупина в его намерении опубликовать свою повесть о Куняеве. Жаль, что она не опубликована, но “писатель в России не принадлежит самому себе”, как говаривал Александр Сергеевич Пушкин. Низко кланяюсь Вам, Станислав Юрьевич, за публикацию моих стихов. Недавно мне сообщили, что читатели “Нашего современника” на Урале решили провести мероприятия с обсуждением моего творчества. Для меня такое известие — лучшее лекарство, так как зрение у меня село.

Читал и перечитывал Ваши книги, воспоминания о зимовках в лесу, вспоминал и свои зимовки, когда я, молодой и здоровый, подрабатывал на смолокурном заводе. А вот мне уже скоро 60, пенсия, как оказалось теперь, благодаря заботам нашего правительства, не близко, нужно работать с Божьей помощью, несмотря на недуги. В Вологде мне не смогли найти книгу Сергея Куняева о Николае Клюеве, только после привезла из Москвы дочь Александра Яшина Наталья. Доброго Вам здоровья, Станислав Юрьевич, многое хотел сказать Вам хорошего, но разволновался, а надо работать.

С поклоном

В. Мишенёв

г. Никольск Вологодской области

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

У библиотекарей всегда много работы, но вот Ваша книга “Глубокий день” 1978 г. заставила меня отвлечься от насущных проблем, ещё раз пересмотреть свою жизнь, многое вспомнить из времён своей юности.

*Не земля, а всего лишь страна,
Не страна, а всего только город,
Только улица, клён у окна...
Надоело! Я весел и молод.
Я устал от родимых примет,
От причуд материнского нрава,
И лежит предо мною весь свет,
И любовь, и работа, и слава!..*

Думаю, Вы эти строки помните наизусть, но я, к сожалению, только сейчас открываю Вашу лирику. Стихи, написанные Вами, когда мне было 3 года, сейчас я в свои 55 лет без слёз не могу читать.

*Как посинела к осени вода,
Как потемнела к осени природа!
В моё лицо дохнули холода,
И снегом потянуло с небосвода...
...Чем ближе ночь, тем Родина дороже.*

Откровения за всю прожитую жизнь...

*Я эту книгу судьбой оплатил,
Много?
А может быть, мало?
Слово сберёг, а себя отравил...
Господи — с кем не бывало!*

*Чья-то рука из грядущего дня
Вдруг из печатного праха
Выберет лучшую для меня —
И встrepенётся бумага...*

*Сколько иллюзий терпела она,
Сколько страстей усмиряла!
Книга раскрыта и обнажена...
Ей даже ты доверяла!*

*Холод зимы и дыханье весны,
Горечь и сладость разлуки,
Грубая правда и нежные сны,
Лишь бы в пристрастные руки.*

Оказывается, Ваши сборники есть в больших библиотеках, но у меня, увы... Чудом этот нашла. Жизнь души человеческой — перед этим я просто “снимаю шляпу”, хотя мой головной убор — это платок. Знаете, Станислав Юрьевич, от души хочется пожелать Вам дальнейших успехов в Вашем творчестве и спасибо Творцу за все Ваши строки! Уважаю название нового Вашего сборника “Со слезами на глазах”, именно так я и читаю Ваши стихи.

Спасибо за журнал. Всего самого наилучшего Вам.
Многая лета!

Лидия Владимировна Крупцева,
библиотекарь с 37-летним стажем
г. Львов Курской области

Здравствуйтесь, уважаемый Станислав Юрьевич!

Заранее прошу простить меня за сумбурное письмо, но не могу не написать, чтобы, хотя бы с опозданием, пожелать Вам многая и многая лета – на благо и во благо России. И да хранит Вас и Ваших близких Господь!

В конце ноября прошлого года я оказалась на несколько дней в Москве и не могла, конечно, не зайти в редакцию любимого журнала. Признаюсь, хотелось мне и лично познакомиться с Вами, не случилось, но удалось купить несколько Ваших книг.

Журнал Ваш – это замечательное и нужное издание, выхода каждого номера ждём с нетерпением. Читаю не только сама, но и мои друзья, так как библиотека по-прежнему не имеет возможности выписывать журнал. У нашего государства нет, к сожалению, на это средств. Это, конечно, печально, но пока можем выписывать сами – будем выписывать на собственные деньги. Хотя, если бы, паче чаяния, главным редактором “Нашего современника” были бы не Вы, – думаю, вряд ли бы он имел такую репутацию и такой тираж. Я читала, разумеется, и Ваши стихи, и Вашу публицистику, и это всегда интересно, страстно, умно. Это не лезть, как Вы понимаете, но только лишь признание Ваших заслуг, Вашего умения поговорить так с читателем. И вот – открыла Ваш “Дневник третьего тысячелетия” и прочла то, что Вы пишете о трёх ваших заветных книгах, и я сама вспомнила, как читала и перечитывала “Певцов” Тургенева и “Тараса Бульбу” Гоголя, и плакала над этими книгами. Ведь “Певцы” – это и мой сокровенный и любимый рассказ. И “Тарас...”, и “Капитанская дочка” Пушкина. И мне захотелось ещё и ещё поблагодарить Вас за то, что Вы сделали и делаете для России. Всегда помню об этом с радостью в душе – есть человек, которому можно верить до конца. Как можно было бы жить на планете Земля, если бы не такие люди, как Вы!

С искренним уважением и признанием – Ваша читательница

Елена Балашова

г. Чухлома Костромской области

“РУЧЕЙКИ ПОЭЗИИ СЛИВАЮТСЯ В МНГОВОДНЫЕ РЕКИ...”

Здравствуйтесь, уважаемый Станислав Юрьевич!

Огромное спасибо Вам за книги, за журналы, за Ваш звонок, за тёплые слова. Присланные Вами книги и журналы – это самое дорогое, что у меня есть. Изю всех своих слабых сил стараюсь популяризовать Ваши произведения, рассказываю о Вашем журнале, написала на Украину, в Татарстан и т. д. В октябре прошлого года, принимая участие во встрече самодеятельных поэтов в городе Котельнич с читателями местной библиотеки им. Рахманова, познакомила их с Вашей книгой “Поэзия. Судьба. Россия”. На 10-й конференции межмуниципального творческого объединения “Златоуст”, на котором собрались делегации из семи районов Кировской области и города Кирова, я также напомнила местным авторам о великолепном журнале, ведущем своё начало от пушкинского “Современника”, а теперь лучшем в России современном литературном журнале “Наш современник” и призвала выписывать его.

Участники котельничского литературного объединения “Грани” знают и любят произведения многих авторов, которые названы в книге “Поэзия. Судьба. Россия”, менее известных, чем Распутин, Белов, Лиханов, Крупин. Приятно, что наши земляки вятичи представлены в журнале довольно широко. Внимательное отношение к авторам вдохновляет и читателей, а ведь это говорит о том, что и сам главный редактор интеллигентен и чуток.

Уважаемый Станислав Юрьевич, ваши книги для меня – открытие и открытие. Медленно и раздумчиво читаю их с карандашом. Радуют встречи с дорогими именами. И. А. Дедков у нас в Костромском пединституте им. Некрасова вёл курс журналистики. Открываю для себя и новые имена, но Ваша книга – настольная. Высылаю Вам сборник стихов нашего костромского поэта Леонида Николаевича Попова. Он трепетно любил свою малую родину, русскую словесность защищал. Он создал в родной Вохме литературное объединение

“Северные Увалы”. Участники его — люди простые, искренние, работающие, творческие. Думаю, что Вы солидарны со мной, ведь написал же о Вас В. Бондаренко, что Вы привлекли на страницы журнала “Наш современник” “... всю яркую, провинциальную поэзию России” (газ. “Завтра” № 47, 2017).

Всё имеет своё начало, как ручейки, текущие от истока, сливаются потом в многоводные реки. Это мы — ручейки поэзии, участники литературных кружков, это мы подпитываем своими силами вершины русской поэзии.

Желаю Вам и Вашему сыну Сергею, и всей редакции здоровья, творческих успехов!

С глубоким уважением

Г. Л. Бабенко

г. Котельнич Кировской области

“ОНИ ОПАСАЮТСЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПУБЛИЦИСТА...”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Спасибо Вам за журнал “Наш современник” и его героических сотрудников, за многолетнее жертвенное служение русской словесности, за мощную творческую ауру, за великорусскую силу Вашего таланта, возвышающего нас и Отечество! Благодаря Вам “креативный” литератор, записной политикан и отвязный либерал знают своё настоящее место. Не нашлось ни одного интеллектуала во враждебном стане, кто бы вступил в полемику с автором выдающихся публицистических произведений “Шляхта и мы”, “Жрецы и жертвы холокоста”. Они опасаются выдающегося публициста и воспринимают Ваши объективные аналитические суждения с боязнью, как бы не оказаться побитыми ещё более разоблачительно и постыдно. Это их старая школа уклончивой лжи посредством умолчания. Их ёрнический талант барахтается на мелководье шумного кагала и “русскоязычного” базара.

Ваш **Рудольф Панфёров**

г. Калуга

“КУНЯЕВ ТОТ ЖЕ, И “СОВРЕМЕННОК” — НА ТЕХ ЖЕ ПОЗИЦИЯХ”

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Когда-то, в добрые старые времена, бывая у нас в творческих командировках осенью, Вы находили минутку, чтобы забежать в редакцию “Правды Севера”. В это время мужской состав маленького коллектива, находясь во власти первобытного инстинкта, уже промышлял в тайге, и вас встречала только скромная сотрудница районного радио да работники типографии. Мы беседовали, обменивались информацией. Я записывала всё это на магнитофон, чтобы завтра голос столичного гостя в утренней передаче услышал весь Ербогачён. Потом материал шёл в газету, и несколько дней спустя о приезде известного поэта и писателя узнавали в самых отдалённых уголках района. Вы обязательно заходили вычитать оттиск, а сделав необходимые правки, уезжали, в том числе, и в зимовье к Роману Ивановичу, одному из героев “Тунгусской хроники”.

С тех пор прошли десятилетия (просто не верится!). Нет больше великой державы, удивительной страны (сейчас это совершенно очевидно), нет партийной печати и районного радио, нет советской поэзии и литературы, кино и театра, искусства... Ушли замечательные люди — наши современники.

Что осталось? **Нестерпимая ностальгия по прошлому.** Чувство страшной, непоправимой вины за то, что не поняли, не смогли, не удержали... Да ещё проклятая привычка — писать о том, что мы потеряли, о том, чего можем ещё лишиться при нынешнем раскладе жизни.

А кому, подумаешь, это нужно? Вокруг всё чужое: и времена, и нравы. И самое невероятное — люди, изменившиеся на глазах за такое, казалось бы, короткое время! Друзей, родственников совершенно не узнать! Какое-то

конфликтное состояние — это когда чуждая тебе среда прёт куда-то, и ты вместе с ней, “не разделяя ни чувств, ни мыслей, ни страстей”. Тягостное и бессмысленное существование...

Но вот включаю как-то телевизор, а там сюжет о Вашем юбилее. Вы цитируете Достоевского, читаете четверостишие о “бесах, оседлавших свои “Мерседесы”, мчащихся навстречу славе и деньгам...

Ещё во времена расцвета социализма, когда никто не мог даже представить того, что с нами случится в 92-м и после, Вы одним из первых ставили жёсткие смелые прогнозы бесноватым, пытавшимся принизить, опустить традиции русской литературы! Диссидентствующим литераторам, закладывавшим мину замедленного действия под страну. Сейчас на пепелище СССР, не смотря ни на что, выходит журнал “Наш современник”, где Вы, Станислав Юрьевич, отважно, как лев, сражаясь с “бесами”, уже разрушившими и разграбившими наше отечество, продолжаете лечить больное общество публицистическими инъекциями патриотизма и самосохранения.

О том, как опасны Ваши разоблачения для бесовщины, рассказывают потоки словесных нечистот, направленные против Вас и патриотического, как они говорят, “совкового” журнала, возглавляемого Вами, заполонившие интернет. А ведь “совки” — это лучшие люди, построившие первое мощное социалистическое государство, спасшие страну и мир от “коричневой чумы”, первыми прорвавшиеся в космос, создавшие справедливую социальную систему и подлинно народную демократию.

И, Вы знаете, впервые за долгое время в душе появилась радость: **Куняев тот же, и “Современник” — на тех же позициях!** Стоит ещё бастион русской мысли и слова! Захотелось верить: даст Бог, будет жив и русский народ! Его мощный корень, прочно выросший в толщу родной почвы, не сломать, не вырвать, не выкорчевать, не одолеть золотому тельцу!

Станислав Юрьевич! Вы всегда любили сибиряков. Во многом благодаря “Современнику”, героями времени стали не только “покорители” края несметных богатств, те, что протягивали в тайге ЛЭП, строили гидроэлектростанции и БАМ, возводили новые города, но и простые люди из глубинки, с их непокорными характерами, надеждами и чаяниями. Вопреки тупой, застоявшейся кабинетной вкусовщине, печатали на страницах своего издания самобытных писателей, открывая им путь в большую литературу.

Встреча с Вами на телеэкране “разбередила” состояние, которое так знакомо всем,веряющим перу и бумаге мысли, чувства, настроения. И я стала просматривать, дорабатывать, приводить в порядок свои записи с начала 90-х. Там тоже есть и о Достоевском, и о бесах, и о незаслуженной славе и неправедно нажитых капиталах.

Понимая, что всё изменилось в нашей жизни, я, утратив всякую скромность, решила отправить и предложить на Ваш суд один из своих рассказов. Называется он “Урок”. Со смелостью я выбрала “Наш “совковый” современник”, предположив, что народ устал и с отвращением отвернулся от журналов с “либеральной направленностью”, напичканных “удручающе нечитательным чтивом”, и готов прочесть что-нибудь, более соответствующее национальному мировосприятию.

С уважением
Светлана Кузакова,
член Союза журналистов СССР
г. Иркутск

СКРОМНАЯ ГАЗЕТА ИЗ КИРЕНГИ

Уважаемые коллеги!

В прошлом голу у нас состоялся юбилей нашей скромной газеты. Об этом я хочу рассказать. В 1937 году в Казачинско-Ленском районе вышел первый информационный листок формата А-3 с названием “Путь Октября” — это была газета, которой в нынешнем году исполнилось 80 лет.

В 1994-м она была переименована в “Киренгу”, недавно объединена с типографией и называется теперь МУП “Формат”, руководит которым Арбатский

Виктор Владимирович. Тем не менее, газета осталась всё тем же изданием, изо дня в день повествующим о жизни таёжной глубинки.

Репортажи, интервью, заметки... А в них – события и судьбы тысяч людей. И всё это через сердце, через душу.

Ну, кому из вас не знакома рутинная газетная будней? Авралы и волнения? А вместе с ними и радость общения с десятками, сотнями соотечественников, и осознание причастности к большому делу – летописи родного края?

Недавно я закончила работу в качестве автора-составителя книги, посвящённой 90-летию Казачинско-Ленского района, большая часть материалов которой взята из газеты “Киренга” (бывш. “Путь Октября”).

Я работала с библиотеками, музеями, архивами, школами, жителями деревень и посёлков. И все они в итоге ссылались на материалы газеты, все хранили вырезки статей из “районки”, подшивки или альбомы с вырезками.

Всем она родная.

Понятно, что со временем всё меняется. Менялся состав редакции, менялось оборудование. Неизменным было и остаётся одно – нужное и важное дело.

Редакции есть чем и кем гордиться.

В газету “Путь Октября” до Великой Отечественной войны литературным работником был принят семнадцатилетний паренёк Роман Гаврилович Иванов, впоследствии – Герой Советского Союза.

Редакция не прекращала выпуск издания ни в годы Великой Отечественной войны, ни в годы перестройки. И сегодня – пусть малочисленным составом, – но, как часы, ритмично отбивает свои строки, увековечивая имена и даты.

Пишущих в газете трое: редактор, корреспондент и корректор. Это “старожилы”, на которых и держится нынешняя “Киренга”.

К великому сожалению, у редакции нет достаточных финансовых средств для организации празднования, достойного их труда. Но подарки и поздравления никто не отменял. И коллектив (редакция + типография), и само издание достойны уважения и внимания.

С уважением

Светлана Седых,

пос. Магистральный Казачинско-Ленского района Иркутской области

ПРОЩАНИЕ С ГЕРОЕМ

Уважаемая редакция!

Взяться за перо меня заставила история гибели нашего славного лётчика Романа Филиппова. А новости из СМИ шли как бы стороной, пока не зазвенел звонок: в Сирии снова попал в переплёт наш самолет... лётчик катапультировался... принял бой... погиб... Сообщили: тело везут в Воронеж.

Похоронят в моём городе!

Это меня подняло. Ещё не было пяти утра, а я оказался за компьютером и жадно-жадно впитывал информацию. Нашёл видео. Вот “птичка” самолёта заиграла пламенем. А она летит. Пламя, как из сопла. “Птичка” выпала из поля экрана. Другое видео: клуб чёрного дыма за горой взлетел вверх. Там самолёт взорвался. И ещё кадр: парашют плавно парит. Похоже на тренировку, если бы не выстрелы. Стреляют в лётчика. Вот какая-то рыжая возвышенность. Снега нет. Ясно, что где-то далеко на юге. С разных сторон сбегаются к валуну чёрные фигуры. Вот собрались вокруг за камнем. Громила с повязкой на голове и с автоматом спрятался невдалеке за деревом. Другой чуть вышел вперед, но к валуну не приближается. Раздался хлопок. Из-за валуна взлетело два дымка. Тот, что с повязкой на голове, лёг... А тех, кто был за валуном – как не было... Лишь один отлетел в сторону... А другой кинулся бежать...

Теперь я понял, что сделал тот, кто оказался за камнем: подорвал себя и этих в чёрном...

На сайте “Красной звезды” прочитал рассказ того, кто летел в паре со сбитым лётчиком:

– Голос у него не дрогнул, когда я предупредил: “По тебе работают! Выводи! Тангаж, тангаж! Маневрируй!”

– Да, вижу! – ответил ведущий.

А потом так спокойно, словно это было сказано о чём-то обыденном и второстепенном:

– В меня попали...

И следом:

– Хорошо попали... Пожар правого... Тяну на юг... И левый становится...

И секунд через двадцать – крайнее:

– Вызывай поисково-спасательный отряд...

– А что было дальше?

Ведомый командира звена штурмовиков Су-25СМ замолчал. А потом продолжил:

– А дальше были крайние слова: “Уходи в облака”. Конечно, я не ушёл.

Бросить командира – последнее дело.

Так в Сирии сбили наш самолёт.

На сайте армейской газеты: “Когда ПЗРК сработал по машине командира, все условности были отброшены, – продолжал рассказ лётчик. – Я всегда прикрывал командира в воздухе, надо было это сделать и на земле, когда он уже принял бой. Остался в этом районе и выполнил несколько атак, отработал по машинам, которые приближались к оливковой роще, где был Роман. Уничтожил два автомобиля. В то же время продолжал передавать на КП координаты, вызывая поисково-спасательную службу. Место приземления командира я видел, но самого боя – нет, были сумерки. Уходить пришлось с аварийным остатком топлива, хватавшим только дотянуть до аэродрома...”

Он ушёл... И правильно, спору нет. А потом был валун... и хлопок... Интернет выбрасывает видео с крылом российского СУ-25 со звёздочкой...

Кто был сбитый лётчик? Роман Филиппов. Только теперь глянул в окно: ещё чернела ночь, под фонарями первозданно белело, а снежинки испещрили весь видимый простор.

Ещё не было восьми, как начал звонить военным, знакомым и не знакомым. И узнал: прощание в Доме офицеров. В каком? Их в городе два: один – настоящий, который с чьей-то большой головы отдали гражданским; другой – в построенном немцами военном городке. Похороны на Коминтерновском кладбище завтра.

На следующий день был у меня единственный план: проститься с Романом. С утра позвонил в Дом офицеров, и мне сказали:

– Прощание в одиннадцать...

Но решил приехать пораньше. Ехал на автобусе и удивлялся: куда-то делся вчерашний нежно-пушистый снежок – этот белый дождик. Вчерашние белые просторы испещрили рыжие полосы и клоки расчищенных за ночь улиц. Вот появилась часовенка и за ней – вход на кладбище:

– Там последний приют...

Ходил вдоль ограды и смотрел, кто собрался. В одной стороне стояла коробка кадетов Михайловского кадетского корпуса в чёрных шапках и шинелях. Я с ними поговорил. Они мне были дороги: когда-то в полном актовом зале встречался с ними и рассказывал про Гавриила Троепольского, а позже защищал в суде их директора. Невдалеке ёжились в куртках кадеты Горожанского кадетского корпуса. К изгороди приткнулись школьники с цветками в руках.

Сновали казаки в зелёных камуфляжных одеждах, моряки – в чёрных шинелях, лётчики – в голубых, всех возрастов женщины, мужчины – с букетами цветов или несколькими гвоздичками в руках.

Никого не пропускали на поле к Дому офицеров полицейские и курсанты.

Вспомнил, как в бытность моей учёбы в военном заведении стоял в оцеплении на Красной площади в Москве и никого не пропускал, как перед цепочкой оцепления остановился “ЗИМ” с маршалом Баграмяном, как к машине подскочил начальник курса, воевавший в Великую Отечественную в войсках маршала и посчитавший за счастье провести сквозь кордон своего командующего фронтом.

Но здесь маршалов не было, а собрались большей частью простые люди. Хотя нет-нет и появлялся какой-нибудь местный генерал, и его пропускали, или какие-нибудь чиновники среднего полёта. Встретил знакомого редактора газеты, фотокора, бывшего соседа по дому, они не усидели на работе.

Время шло. Я понял, что в 10 часов прощание не началось, но теперь надеялся, что начнется в 11. Морозило. А люди прибывали. Уже нельзя было свободно пройти, приходилось обходить. Поеживался в куртке, видя, как мёрзнут налегке одетые люди, а редактор вытирал платком нос, и бывший сосед по дому – фотокор – уже переступал с ноги на ногу.

Вот пронеслось:

— Они летят из Чкаловского...

11 часов... Мне же говорили, что начнётся прощание в это время. Но что-то никого на поле не пропускали. Видно было, как боролись люди с холодом: кто припрыгивал, кто махал руками, кто поднимал воротник пальто или куртки, кто сильнее натягивал кепку, а кто — фуражку, кто курил. Можно было подумать, что мороз разгонит людей, но не тут-то было.

Вот к клубу откуда-то сбоку подъехала чёрная легковая машина. “Но это не катафалк”. Вот в толпе появились знамёна. Теперь я еле проходил по разросшейся, уплотнившейся толпе людей, заполнившей, кроме тротуара, проезжую часть.

Люди, несмотря на мороз, ждали.

Вот к журналистам подошёл генерал и стал накачивать: так не снимать, это не снимать, это нельзя, то нельзя... Вот пропустили через оцепление школьников, и они, каждый с двумя гвоздичками в руке, быстро пошли по дорожке к клубу.

Откуда-то сбоку к порожкам клуба выехал тёмно-синий микроавтобус “Форд”, и за ним — чёрная иномарка. Из машин вышли и прошли в Дом офицеров люди в военной и гражданской одежде. Среди них мелькнуло лицо губернатора, а позади гостей в цивильном шёл бывший командующий военновоздушными силами. Машины сдали на край площадки. Становилось ясно: вскоре должен появиться и тот, кого все ждали.

Минут через восемь заревела сирена, и уже ко входу подъехали два чёрных микроавтобуса. Все замерли. Видно было, как операторы повернули в сторону камеры: им запретили снимать. Стояла такая тишина, что слышались шестест шин проезжавших по проспекту машин.

Шестеро военных в голубой форме достали из катафалка блестящий кофейным лаком гроб, покрытый флагом страны, на котором лежала лётная фуражка, и медленно понесли в клуб. Поднявшись на ступени, подошли к входным дверям.

Кто-то крикнул:

— Не сбейте фуражку!..

Несущие чуть опустили гроб и скрылись в проходе.

Катафалк отъехал в сторону.

Колонна промёрзших, но не спасовавших перед морозом людей тронулась от ворот в ограждение на поле. Впереди шли мужчины в военном камуфляже со знаменем. Люди подходили к аркам металлоискателей, их досматривали, они поднимались по ступеням в Дом офицеров. Здание поглощало людей, а поток от ворот нарастал. Словно открыли шлюз, и скопившаяся масса теперь вываливалась на площадь перед клубом. Одну колонну дополнила вторая.

Появилось много военных в лётной форме. Они зашли в боковые проходы, заполняя и так полную площадь перед домом. Операторы и журналисты забрались на бугор снимать скопившихся людей.

Их стали сгонять.

А как не заснять невиданное для города скопление? Эта масса тихо-тихо пододвигалась к пропускным пунктам. Я заметил бабушку с внучкой. “Какая молодец! Девочка запомнит это событие на всю жизнь”.

Время тянулось.

Вот снова движение застопорилось. А когда вышел из Дома офицеров местный митрополит и сел в чёрный лимузин, стоящий у порога, все поняли: что-то в Доме офицеров происходило. А потом пробежало: “Митинг провели. Выступал владыка, говорили военачальники”.

От этого стало немножко не по себе: что же без людей-то? Что, нельзя было сказать при всех, чтобы все пришедшие услышали? Дали бы и людям высказаться. А то без них говорили. Хотя говорить-то больше должен был город, в котором родился лётчик, а не только гости из столицы и местные чиновники. Этой возможности лишили простых людей. Но такое отношение властей давно не удивляет нас...

Снова потекли ручейки людей через металлоискатели. Кто только не шёл! Даже колонна из полицейских. Они дожидались. У них тоже гибли сослуживцы в Чечне, а теперь, в мирное время — на посту. И кто-то тоже был героем. Только если подвиг Романа облетел и всколыхнул всю страну, то подвиг полицейского мог остаться в тени.

Я не припоминал случая, когда вот так по внутреннему порыву собралось на прощание столько людей. И не видно конца потоку. Прибывали новые и новые.

Люди шли по двум алым дорожкам. Вот к гробу подошла бабушка и положила две гвоздички. Вот — омоновец сделал руки по швам. Мужчина в куртке с капюшоном остановился и, посмотрев на родных лётчика, поклонился. Люди шли потоком.

Наконец, приблизился и я. Невольно в глазах бежали венки по стенам. Их было с полсотни. “А ещё на улице”, — вспомнил я венки при входе. Цветы вырастали горкой перед гробом, и их то и дело охапками относил в сторону майор.

Я шёл, а внутри что-то с силой поднималось, какое-то горькое и высокое чувство.

Передо мной всё четче высвечивался фотопортрет почему-то очень знакомого мне человека с гордой осанкой. Он как бы смотрел в сторону. Он словно отвёл взгляд: не глядите на меня. И от этой скромности становилось ещё горше. Может, так же смотрели на него все остальные, а он — чуть отводя взгляд. Отводя его от каждого. Может, упрекая: “Что ж вы... Не спасли меня...”

Накатывало и слепило глаза от света и влаги. И вот я остановился и, обводя глазами седовласых людей на скамьях — его отца и мать, его тещу и жену, молодую женщину в чёрном платке, — я склонил голову.

Вышел на свежий воздух. Я обошёл здание. Хвостик последних прощавшихся уходил в клуб. На моих часах было три часа дня.

С левой стороны от входа вытянулся почётный караул трёх родов войск. Ждали выноса тела...

Крутились операторы и журналисты. И в сторонке стоял кортеж.

Прозвучало указание: вынос гроба снимать не разрешат, и я не стал дожидаться, а сразу уехал на кладбище.

Вот траурная процессия вышла на аллею. Впереди офицер нёс портрет Романа. За ним снова несли венки. Потом три офицера — награды на подушечках. Подполковник высоко держал деревянный крест с табличкой:

Филиппов Роман Николаевич 13.08.1984—03.02.2018

За ним офицеры на плечах несли гроб, всё так же покрытый флагом, и поверх лежала фуражка, а их сопровождали четыре солдата из роты почётного караула с карабинами.

Операторы взобрались на стенки ограждения аллеи и снимали сверху, фиксируя последние метры налетавшего тысячи километров лётчика, которые подводили итог его жизни. Дальше шли священнослужители в белых одеждах, тянулась нескончаемая колонна людей.

Молодые и старые, военные и гражданские, кто-то переставлял палочку, кто с розами, кто с гвоздиками, кто вёл внучку, а один молодой человек без головного убора нёс годовалого ребёнка на руках.

В людской массе прошёл военный оркестр.

Людей остановили, не доходя до могилы. Родственникам разрешили пройти ближе.

Вот журналистов, обходя колонну по снежным обочинам, провели вперёд, где в стороне от могилы стояли курсанты с автоматами.

Все замерли.

“Сейчас опустят гроб в могилу, и прогремит салют”.

Подполковник взмахнул рукой, раздались выстрелы.

Романа Филиппова предали земле.

Следом оркестр заиграл “Прощание славянки”, и мимо расступившихся людей маршем прошла рота почётного караула.

Я молчал. Мне хотелось пройти к шатру. Бросить свою горсть земли в могилу Героя. Сказать слова. Услышать других. Но и тут не пускали. Не слышали и напутственных слов. Митинга для всех и здесь не получилось. А тот, что состоялся в Доме офицеров в узком кругу, без людей, явно не устраивал.

Жаль, что народного Героя отправили в последний путь без народного слова.

2 марта 2018 года
Михаил Иванович Фёдоров,
писатель, адвокат
г. Воронеж

НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Уважаемая редакция!

Пишет вам ветеран Великой Отечественной войны, а ныне заслуженный научный работник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Много лет я собираю материалы о наших солдатах и офицерах, погибших при освобождении Белоруссии в 1944 году. Привлекла к этому делу и моих студентов. Хочу и вашему уважаемому журналу предложить мои заметки о судьбе моего знакомого фронтовика и отклики моих студентов.

Война 1941–1945 годов – чудовищная, жестокая и беспощадная – закончилась 73 года назад. Для многих людей это уже далёкое прошлое, однако годы Великой Отечественной войны не забудутся никогда – это священный, тяжёлый и героический эпос 1418 дней, когда воевала вся наша страна, от мала до велика. Имена верных сынов и дочерей Отечества высечены не только на мемориалах и памятниках. Они высечены и в наших сердцах и душах: это зарубки памяти о трагедии России и её народа.

Теперь о войне пишут, в основном, уже не те, кто воевал и победил, кто “держал второй фронт”, работая для будущей победы, – пишут их потомки, вспоминая рассказы дедов и отцов о пережитом ими – самом главном, что было в их собственной жизни и жизни нашей Родины. Те, кто пишет о прошедшей войне сегодня, становятся наследниками Великой Победы, хранителями исторической памяти народа. Это для нас важно и поистине необходимо в наше тревожное время!

Приятной неожиданностью для меня стал общественный резонанс на публикацию об Анатолии Ивановиче Пенове в “Белорусской военной газете”, которая дала статье о юном герое своё название – “Одно имя на двоих”. Газета имела в виду непреложный факт: два города – Вытегра в России и Витебск в Белоруссии – связаны одним именем – Пенев.

Он, вчерашний школьник, после ускоренного выпуска 10-го класса в конце января 1943 года стал курсантом Лепельского военного училища, где готовили боевых командиров. Так Анатолий Пенев стал одним из миллионов, участвовавших в деле Великой Победы, – тех, кого учили воевать и защищать Родину¹.

Но судьба и солдат, и армий решалась не только на полях битв. В Ставке Верховного Главнокомандования Советских Вооружённых Сил в тот период разрабатывалась операция “Багратион”, которая вошла в историю как одна из самых выдающихся и особенно крупных во Второй мировой войне. Её целью было полное освобождение Советской Белоруссии от фашистских оккупантов. Немцы называли Витебск “воротами в Прибалтику” и создали здесь неприступный “Восточный вал”: 4 линии обороны, состоящие из мощных железобетонных укреплений, многочисленных дзотов и минных полей. В этом городе-крепости были задействованы десятки фашистских штурмовых бригад и танковых дивизий. Позже захваченный в плен в районе Витебска немецкий генерал заявил: оборона города считалась настолько “надёжной и прочной”, что “наступление русских представлялось совершенно невозможным”².

Однако ключевые позиции немцев в районе Витебска перестали существовать. Но какой ценой! Продвижение советских войск в тех ожесточённых боях за город-крепость измерялось метрами, а суточные потери – сотнями жизней. Именно в такой фронтовой обстановке оказались “новоиспечённые” лейтенанты Лепельского военного училища, и среди них – Анатолий Пенев. Во время наступательных боёв за Витебск он командовал артиллерийским подразделением, отбивая одну атаку за другой. Из письма его ординарца родным, опубликованного в газете “Красный Север”, стали известны подробности героической гибели командира.

После публикации в “Белорусской военной газете” и выступления об А. Пенове на конференции мне как победителю в тематическом конкурсе “Актуальные проблемы развития восточнославянской цивилизации в современном мире (Россия – Белоруссия)” вручили грант от Института философии Российской академии наук.

Телевидение Белоруссии тотчас откликнулось на газетную публикацию об Анатолии Пенове: в письме из Минска от Ивановой Людмилы Александровны

¹ По данным статистики: из 10 ушедших на войну школьников погибли 8 человек.

² Василевский А. М. Воспоминания о белорусской битве. / В кн. “Освобождение Белоруссии”. М., “Наука”, 1970. С. 79.

я узнала о том, что после моей статьи показали село Высочаны и памятник, на котором высечено имя русского героя А. И. Пенова. “Около памятника было много молодёжи с цветами”, – пишет Людмила Александровна.

Несколько моих статей и писем самого Анатолия Пенова, написанных ещё в ту далёкую военную пору и адресованных мне, я отвезла на Поклонную гору в Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.. Сотрудники музея после проверки моих материалов приняли их по акту 281-Оф (протокол ЭФЗК № 19 от 9.11.2011) “на постоянное хранение”¹.

Заместитель директора, главный хранитель документов С. Л. Вельский написал мне: “Сердечно благодарим Вас за вклад в формирование фондов музея и увековечивание подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в память людей”².

Насколько внимательна молодёжь к событиям прошедшей войны, можно судить по следующему факту: мои бывшие студенты значимость газетных публикаций о юном герое отметили своими произведениями. К 60-летию Победы в газете “Богородские вести” появилось стихотворение Леонида Размахнина “Как мало осталось солдат” с подзаголовком “Светлой памяти Анатолия Пенова”.

*Как мало осталось солдат,
Шагнувших в тот памятный год
Под грозный военный набат
Собой заслонить свой народ.*

*Как мало осталось солдат
Из тех, кто стоял, как скала,
С войною ушедших в закат,
Чтоб Родина вечно жила...*

*Как мало осталось солдат,
Как дань — я им честь отдаю,
Кому многократно: “Виват!” —
Я сердцем своим воспою.*

Россия, Русь... Земля с неисчислимыми богатствами во все времена притягивала завоевателей со всех сторон света. И каждый раз спасала Россию **жертвенность лучших сыновей и дочерей**, не щадивших ради спасения Отчизны ни сил, ни жизни. *Лучшие* – самые совестливые, неравнодушные – всегда первыми встают на защиту родимой земли, оберегают мир от зла, разрушения и смерти.

На самом крутом повороте истории русские проявляли способность к сплочению, умение подчинить своё личное чаяниям своего народа; они поражали самоотверженностью и стойкостью, жертвенностью и беззаветной любовью к Родине и Отечеству.

Неоспорима справедливость слов легендарного разведчика Николая Ивановича Кузнецова: “Невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце!”

Так было во все времена.

Нина Михайловна Северикова,
ветеран Великой Отечественной войны,
заслуженный научный сотрудник
МГУ им. М. В. Ломоносова
г. Москва

¹ В Центральном музее хранятся также материалы о моей сестре Александре Михайловне Севериковой, сгоревшей в танке 23 февраля 1943 года при освобождении Ленинграда.

² В “Книгу Памяти” – “Вытегорский район” я послала недостающие сведения об А. И. Пенове и других 12 земляках. Глава Администрации Вытегорского муниципального района Александр Николаевич Павликов незамедлительно ответил мне: “Сведения о Ваших родных и наших земляках включены в электронную Книгу Памяти”; он сообщил, что планируется также и печатное издание “Книги Памяти”. В Приложении на 2 листах по существующей схеме были детально, чётко расписаны все присланные мною дополнительные сведения, за что я сердечно благодарю Александра Николаевича.